

Розали Прюдан / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Розали Прюдан / рассказ РОЗАЛИ ПРЮДАН

Поистине это дело оставалось для всех загадкой, как ни бились над ним присяжные, председатель и даже сам прокурор республики.

Девушка Прюдан (Розали), прислуга господ Варамбо из Манта, скрыла от хозяев свою беременность, родила тайком, ночью, у себя в мансарде и убила младенца, а потом закопала его в саду. Эта история могла бы показаться такой же обычной, как и все истории детоубийств, совершаемых служанками, если бы не одно непостижимое обстоятельство. При обыске в камерке девушки Прюдан нашли полное детское приданое, приготовленное самой Розали; она кроила и шила его по ночам целых три месяца. Лавочник, у которого она покупала на свои гроши свечи для этой долгой, кропотливой работы, выступил свидетелем. Мало того, суд установил, что Розали заранее обратилась к местной повивальной бабке, которая дала ей все необходимые наставления на случай, если роды начнутся в такое время, когда помощи получить нельзя. Та же бабка подыскала для нее место в Пуасси. Розали предвидела, что хозяева прогонят ее, ибо супруги Варамбо стояли на страже добродетели.

Оба они, мелкие провинциальные рантье, сидели тут же в зале, взбешенные тем, что какая-то потаскуха посмела осквернить их дом. Они готовы были отправить ее тотчас же и без суда на гильотину; каждая, даже самая мелкая улика в их злобных устах превращалась в обвинительный приговор.

Подсудимая, красивая, рослая девушка, уроженка Нижней Нормандии, довольно развитая для своего положения, не переставая, плакала и ничего не отвечала.

По общему мнению, она совершила этот зверский поступок в минуту иступленного отчаяния, так как все свидетельствовало о ее стремлении сохранить и вырастить своего первенца.

Настойчиво добиваясь признания, председатель сделал еще одну

попытку заставить ее говорить, и ему, наконец, удалось ласково втолковать ей, что все они собрались здесь вовсе не для того, чтобы присудить ее к смерти, а, наоборот, они желают облегчить ее участь.

Тогда она решилась отвечать.

Председатель спросил:

– Ну что же, скажете вы нам теперь, кто отец ребенка?

До сих пор она это упорно скрывала.

Внезапно, не спуская глаз с хозяев, которые только что с пеной у рта поносили ее, она ответила:

– Господин Жозеф, он племянник господину Варамбо.

Супруги подскочили от неожиданности и закричали в один голос:

– Неправда! Врет она, подлая!

Председатель призвал их к молчанию и снова обратился к обвиняемой:

– Продолжайте, пожалуйста, откройте суду всю правду.

И вот она стала рассказывать, облегчая в словах свою бедную, наболевшую душу, такую замкнутую и одинокую; она изливала теперь все свое горе, без утайки, перед этими суровыми, как ей казалось, даже враждебными людьми и безжалостными судьями.

– Да, да, это господин Жозеф Варамбо, он приезжал к нам в прошлом году в отпуск.

– Чем занимается господин Жозеф Варамбо?

– Он в артиллерии, сударь, унтер-офицером. Он прогостил у нас два месяца летом. Я, сударь, ни о чем таком даже не помышляла, когда он начал на меня поглядывать. Бывало, день-деньской все лебезит, все уещает. Не устояла я, поддаюсь ему, сударь! Особенно, как стал он мне твердить, что я хороша, мила, что пришлась ему по вкусу. А уж мне, не скрою, он очень приглянулся. Сами посудите, как было не слушать его. Ведь я одинокая, одна, как перст, сударь. Нет у меня никого на белом свете, не с кем поговорить, некому на свою горькую жизнь пожаловаться. Ни отца, ни матери, ни сестры, ни брата – никого. Как заговорил он со мной в первый раз, словно брат долгожданный ко мне приехал. Ну вот, попросил он меня как-то вечером прийти к речке, поболтать без помехи на берегу. И я пришла... А потом уж и не знаю, сама не знаю... Он обнял меня, я

не хотела... Нет... Нет... Только поверьте, не могла я. Воздух, что ли, был такой ласковый, даже слезы сами навертывались, и луна... Не могла я, право, не могла. Добился он, чего хотел. Три недели, это тянулось, до самого его отъезда. Я бы за ним на край света пошла... Он уехал. А я уже забеременела от него, да только через месяц узнала...

И она расплакалась так горько, что пришлось подождать, пока она успокоится.

Потом председатель сказал тоном духовника в исповедальне:

– Ну, ну, дальше.

Она продолжала:

– А как только узнала, так сразу же побежала к госпоже Буден – повивальной бабке. Вот спросите ее, она здесь. Рассказала я ей все и попросила научить меня, как мне поступить, если что случится со мной без нее. А потом взялась за приданое. Каждый вечер шила, далеко за полночь сидела над ним. И место себе другое подыскала, я же наперед знала, что меня прогонят, только думала: дотянуть здесь до конца, чтобы сколотить немного денег, ведь у меня ничего за душой, а младенчику нужно...

– Значит, вы не хотели его убивать?

– Ох, сударь, что вы! Ей-богу, не хотела!

– Почему же вы все-таки его убили?

– А дело было так. Случилось это со мной раньше, чем я ждала. Схватило меня на кухне, как раз когда я кончала мыть посуду. Господа уже спали, Кое-как, цепляясь за перила, вскарабкалась я к себе наверх и сразу же легла прямо на пол, чтобы постель не замарать. Не знаю, сколько это тянулось! Может, час, может, два, а может, и все три, я себя не помнила от боли. Потом, понатужилась я, что было сил, и почувствовала: вышел. Ох, правду сказать, и рада я была! Подняла его, сделала все, как мне велела госпожа Буден. Ничего не забыла. Только положила его на постель, как вдруг снова боль, да такая, что я света не взвидела. Один бы раз вашему брату так, навеки бы закаялись! Упала я на колени, потом повалилась навзничь, на пол; и началось все сызнова, опять, может, час, может, два, а вокруг – ни живой души. Глядь, вышел второй... второй ребенок...

подумать только: двое... да, да, двое!.. Подняла я его, как первого, положила на кровать подле того, обоих рядышком... Ну, мыслимое ли дело, скажите! Двойня! А жалованья-то всего двадцать франков в месяц. Где уж мне, ну, сами посудите! Одного еще куда ни шло... если самой куска не доесть... но двоих! Тут у меня голова пошла кругом. Что было делать, скажите? Выбирать одного из них... так, что ли? Почему я знаю! Одно только понимала я, что пришел мой последний час... Не помня себя, набросила я на них подушку... раз уж нельзя было сохранить обоих... и сама еще навалилась сверху. Да так металась и плакала до самого рассвета. А они уж, конечно, задохлись под подушкой. Тут взяла я их, мертвеньких, на руки, спустилась с ними в огород, нашла лопату садовника и через силу вырыла в разных местах две глубоких могилки. И закопала – одного здесь, другого там, чтобы они не говорили между собой о своей матери. Кто их знает, говорят они или не говорят, маленькие покойнички. Потом вернулась я к себе, легла, и стало мне так худо, что не встать никак. Позвали доктора, а он сразу все понял... Вот, господин судья, сущая правда. Что хотите со мной делайте, я ко всему готова.

Кое-кто из присяжных усиленно сморкался, удерживая подступавшие слезы. Женщины в зале громко рыдали.

Председатель спросил:

– Где вы схоронили второго?

Она ответила вопросом:

– А у вас какой?

– Ну, тот, тот... что в артишоках.

– А другой в клубнике, у самого колодца.

И она снова начала рыдать, и так сильно, что стоны ее всем надрывали сердце.

Девушка Прюдан была оправдана.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 2 марта 1886 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 6. МП «Аурика», 1994

Перевод С.Вигдор. Некаýаlar